

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470)“16/18”

О. Н. Мухин

АБСОЛЮТИЗМ VS САМОДЕРЖАВИЕ: ЕЩЕ РАЗ К ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЙ

Рассматривается проблема типологии политических режимов Нового времени. В рамках сравнительно-исторического подхода подчеркивается специфика российского самодержавия в отличие как от абсолютизма, так и от восточной деспотии.

Ключевые слова: абсолютизм, самодержавие, деспотия, политический режим, Новое время.

В отечественной историографии существует устойчивое представление о том, что в период раннего Нового времени в России, как и в европейских странах, складывается абсолютистская монархия¹. То есть в данном случае и речи не идет об известном историческом отставании нашей страны от наиболее развитых стран Европы, обычно определяемом примерно в 200 лет.

Представляется, что само понятие абсолютизма чрезмерно противоречиво. Достаточно взглянуть на перечень его основных черт: неограниченная (т. е. абсолютная) власть монарха, наличие разветвленного бюрократического аппарата, регулярной армии, полиции, централизованной налоговой и фискальной системы, унифицированного государственного права, проведение политики протекционизма и меркантилизма. Все характеристики, кроме первой, с очевидностью могут служить отличительными дефинициями лишь по сравнению с предыдущими, средневековыми политическими режимами и с тех пор останутся таковыми для любого современного государства (исключая протекционизм, который в Европе будет сменен в XIX столетии политикой свободной торговли). Таким образом, ключевой является именно первая черта – неограниченность власти государя.

В советской историографии закономерность появления абсолютизма именно в конце XV – середине XVII в. объяснялась появлением на историче-

ской арене нового класса – буржуазии, когда монархия получила возможность лавировать между нею и дворянством, благодаря чему, по формулировке Ф. Энгельса, «государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними»². При этом с давних пор в отечественной историографии велись споры о национальной специфике абсолютизма, одним из вариантов которого считается и самодержавие.

В историографии западной нет единства в понимании сути абсолютизма. Противоречивость этого исторического явления наглядно выражает монография Н. Хеншелла, в которой отмечается, что большинство европейских монархов являлись одновременно и «абсолютными» и «ограниченными». Они были абсолютными, когда осуществляли свои обширные прерогативы, и ограниченными, когда вели переговоры с подданными об их правах [4, с. 9]. Этот же автор обращает внимание на существование значительных региональных различий в функционировании абсолютистских режимов (иногда столь значительных, что, как в случае Англии, историки часто вообще сомневаются в его наличии³).

Взглянем на Францию, которую принято считать страной классического абсолютизма. Французские короли были обязаны, как считалось, своей властью только Богу и своей шпаге, так как

¹ Сравните, например, высказывания в академической «Истории Европы»: «Конец XV – первая половина XVII в. – время оформления и укрепления централизованного государства в России и его постепенного развития в монархию абсолютистского типа» [1, с. 246]. Или: «На протяжении XVII в. государственное устройство России претерпело существенные изменения. В это время происходит процесс перерастания сословно-представительной монархии в абсолютистскую» [2, с. 179].

² Цит. по [1, с. 160]. Классическое марксистское определение, выработанное в ходе дискуссий в советской историографии в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в., гласит: «Абсолютизм есть форма политической надстройки времени разложения феодализма и зарождения буржуазных отношений, характеризующегося обострением антагонизма между феодальным дворянством и нарождающейся буржуазией, что позволяет монархической власти достигнуть известной самостоятельности по отношению к обоим борющимся классам» [3, с. 47].

³ «С уверенностью об абсолютизме можно сказать только одно: в Англии его никогда не было. Чем бы ни был абсолютизм, в Англии господствовала диаметрально противоположная конституционная модель, предполагавшая существование ограниченной монархии, гражданских свобод, парламентских партий и всенародного голосования» [4, с. 95].

завоевали Галлию, а также согласно Священному писанию, где сказано (в «Послании к римлянам». XIII, 1), что «Несть власти не от Бога» [5, с. 144]. Епископ Боссюэ, один из виднейших идеологов царствования Людовика XIV, писал: «Бог учреждает королей как своих посланников и царствует с их помощью над народами» [5, с. 145]. От этой власти, идущей от Бога, исходят, по его мнению, все правила абсолютной монархии: «Первое правило. Король не должен никому отчитываться, когда отдает приказы. Второе правило. Когда король вынес приговор, другого приговора не может быть. Третье правило. Нет силы, способной противостоять силе короля. Четвертое правило. Но это не значит, что короли не подчиняются законам» [5, с. 145] (запомним этот последний пункт). Похожие идеи на пятьдесят лет ранее высказал Карден Лебре в трактате «О верховной власти короля» (1632 г.) [5, с. 145]. Но если юристы оправдывали абсолютную монархию, ссылаясь на римское право и божественное право, то Боссюэ опирался только на божественное. «Он не хотел, конечно, обожествлять короля, но он почти обожествил королевскую власть» [5, с. 147].

Однако божественное право налагало на короля и жесткие рамки. Если король нарушает религиозные установления (становится идолопоклонником, святотатцем, многоженцем), он может навлечь на себя и на королевство гнев божий, и в самых серьезных случаях подданные могут быть освобождены от долга повиноваться. Король должен уважать и естественное право, закон природы, который заставляет человека поступать разумно, вершить правосудие и быть справедливым. Неразумный или несправедливый закон не обязывает подданных быть лояльными по совести и освобождает их от долга повиноваться (так!) (например, как закон 1685 г., запрещавший протестантам одновременно исповедовать свою веру во Франции и эмигрировать) [5, с. 147]. Третье ограничение – соблюдение уважения к подданным: король не может ни отвергать, ни нарушать основные законы королевства, т. е. те, которые существовали до королевской власти и стоят над законами короля. Юристы считали, что он должен уважать личность подданных и их имущество: король не может ни присвоить себе наследство, принадлежащее его подданному, ни пользоваться им по своей воле. Если он позволит себе присвоить государственные владения, он будет осужден собственными судами [5, с. 147].

Вот как поясняет ситуацию Н. Элиас. Несмотря на долговременную борьбу со знатью, шедшую столетиями, французский король являлся первым дворянином своего королевства: «Он был воспитан в дворянских нравах и умонастроении, его поведение и мышление были сформированы этой нравственной культурой» [6, с. 184]. Поэтому «то, что совершилось во Франции XVI и XVII веков – когда была установлена неограниченная монархия, когда короли укротили крупную и мелкую знать, – было в известном отношении ничем иным, как постепенным смещением центра тяжести в пределах одного и того же социального слоя» [6, с. 184]. С этим было связано амбивалентное отношение короля к придворной аристократии: с одной стороны, он стремился достичь неограниченного господства, подавляя любые притязания знати на власть, с другой – сохранить дворянство как зависимое от короля, служащее ему, но четко отличаемое от остальных общественных слоев сословие с его специфической этикой как бы в роли единственно адекватного монарху и необходимого ему общества [6, с. 187].

Таким образом, даже в ходе борьбы и даже после победы, одержанной королевской властью над дворянством, король выстраивал свои отношения с «прирученной» знатью с оглядкой на традиционные установления аристократического этоса, общего для обеих сторон. Все это было отражением не только становления абсолютистского режима, но и длительного поступательного процесса цивилизовывания, важнейший этап которого наступает именно с формированием придворного общества раннего Нового времени, требующего от дворян в отличие от «времени замков» большего внимания к вопросам этикета [7].

Но важно отметить, что король имел обязательства не только перед дворянством. Его власть ограничивали провинциальные ассамблеи, парламенты, высшие суды. Людовик XIV уменьшил их влияние, но не устранил полностью. То есть король считался с тем, что Монтескье позже назовет «посредствующими корпорациями», которые превращают монархию в смешанный режим правления [5, с. 148–149]. Малейший произвол по отношению к одной корпорации обязательно вызвал бы возмущение почти всех других, т. е. они были способны противостоять королевской власти. И хотя им не представлялось такого случая, сама возможность, осознаваемая короной, служила защитой личности от высшей власти [5, с. 155]¹.

¹ Даже при «короле-солнце», живом воплощении абсолютизма, у парламентов не было отнято право ремонстрации (т. е. отказа регистрировать королевские акты, не соответствующие праву, обычаям или законам). После же его смерти в 1715 г. и те ограничения, которые были им все-таки наложены, снимались. В результате «в XVIII в. парламентской оппозиции суждено было сыграть роль важного дестабилизирующего фактора в политической жизни Франции» [2, с. 144]. В свете этих фактов неубедительной выглядит классическая формула,

Если апеллировать к марксистскому, как представляется, исторически наиболее адекватному определению абсолютизма, то приходится констатировать, что российское самодержавие отличалось от его классического варианта именно отсутствием ситуации баланса между двумя все более приходящими в равновесие социальными силами, такими как дворянство и буржуазия, в силу отсутствия последней. Речь могла идти лишь о лавировании между различными группировками правящего сословия. Опора единственно на дворянство имела два последствия для российской монархии, диалектически связанные между собой. Прежде всего, в ходе успешной централизации русское дворянство было вынуждено признать высший авторитет одного владыки – царя. (Безусловно, в отличие от французского короля российский монарх никогда не являлся частью высшего сословия, но стоял несоизмеримо выше, на отдельной ступени.) В течение XVI–XVII вв. выстраивается структура царского двора, принадлежность к которому служила теперь единственным источником благ – земельных пожалований и выгодных служебных назначений.

Ту же самую картину можно наблюдать и во Франции. При этом очевидно, что и царская, и королевская власть также зависели от поддержки дворянства, как и последнее от милостей государя. Именно большее количество вассалов, представлявших собой держателей земель и вооруженную силу, отличало на первых порах французского короля от могущественных герцогов. Не реагируя на запросы своих дворян, король рисковал потерять необходимую опору и поддержку и вернуться к положению

средневекового монарха, первого среди равных. (Эта зависимость короля от дворянства, кстати, способствовала сохранению даже в эпоху абсолютизма аристократического духа второго сословия.)

Однако в дальнейшем во Франции, как и в Англии (здесь значительно раньше), а позднее и в скандинавских странах с ростом активности третьего сословия король получает возможность, рекрутируя из его среды бюрократию и допуская ее аноблирование («дворянство мантии» во Франции), ослабить свою зависимость от дворян и укрепить собственные позиции (при этом на протяжении всего, кстати говоря, исторически довольно короткого, периода господства абсолютистских режимов важнейшим фактором оставался личностный – многое зависело от политических и дипломатических способностей конкретного монарха, что с замечательной наглядностью демонстрирует история Швеции XVI–XVII вв. [10]¹).

В России до формирования крепко стоящего на ногах третьего сословия со значительными привилегиями дело так и не дошло вплоть до начала XX в. Соответственно, сохранялась однолинейная связка монарх – дворянство², так что второе последствие заключалось в следующем – хотя царь оставался единственным источником процветания для дворян, но и дворяне являлись единственной социальной опорой царской власти и потому умело отстаивали свои сословные интересы, что особенно ярко проявилось в XVIII в. (высшее достижение – Манифест о вольности дворянской)³. Проблема заключалась в том, что в Русском государстве не было нескольких по-разному социально ориентированных центров силы, как в Европе с ее

выраженная В. Ю. Захаровым: «На наш взгляд, понятия “абсолютизм” и “самодержавие” являются тождественными и означают особую форму правления, при которой власть монарха юридически неограниченна» [8]. Вообще, отечественная традиция демонстрирует стремление втиснуть все многообразие политических ситуаций в государствах Нового времени в прокрустово ложе теории. Не имея возможности игнорировать сохранение при абсолютизме представительных органов, исследователи объясняли это тем, что они вступают в «причудливый симбиоз с новым бюрократическим аппаратом абсолютизма» [1, с. 160], и это притом что в таких случаях абсолютизм терял одну из своих важнейших отличительных черт. Замечательный пример априорной попытки согласовать противоречия – версия А. Н. Медушевского. По мнению исследователя, специфика российского абсолютизма заключалась в том, что он сложился до появления буржуазных отношений или в период их зарождения, что привело к «громкой самостоятельности государства в России и сделало его субъектом исторического процесса в большей степени, чем это было в Европе», где он «в значительной степени являлся продуктом баланса классовых сил дворянства и буржуазии» [9, с. 24–25].

¹ Н. Хеншелл отмечает зависимость расстановки сил между монархией и представительными органами от конкретной ситуации и личных качеств правителей и в Англии времен Тюдоров и Стюартов [4, с. 197–198].

² Более того, ряд исследователей считают, что в допетровской Руси не существовало и дворянского сословия как такового (как и сословного строя в целом), так как «служилые люди» не имели ни собственного корпоративного устройства, ни сословного самосознания, оставаясь «холопами государевыми» (см., например [11, с. 478]).

³ Конечно, и в России существовали внешние по отношению к связке «царь – дворянство» факторы, способствовавшие ее укреплению (следует отметить, что Россия все же не достигла крайности в зависимости монархии от дворянства, как это произошло в Речи Посполитой). Б. Ф. Поршнев справедливо указывал на роль крестьянства в процессах укрепления центральной власти (причем не только в России). По его мнению, угроза крестьянских восстаний заставляла централизацию все более усиливаться и дойти наконец до стадии абсолютизма [12, гл. 3]. Действительно, сильная центральная власть была необходима русским помещикам в качестве гаранта их крепостнических прав в условиях почти неограниченных земельных ресурсов, вызывавших отток крестьянства за пределы административно подконтрольных регионов.

глубокими корнями сильной церкви и бюргерской самостоятельности. Замечательный пример – городские восстания середины XVII в., резко обозначившие противоречия между интересами посада и царской власти, предпочитавшей опираться на феодальную верхушку.

Конечно, как и в абсолютистских государствах Европы, большую роль в функционировании самодержавия играла бюрократия, доступ в которую был открыт отдельными представителям разночинной среды, однако руководящая роль в российском бюрократическом аппарате сохранялась за дворянством. В Европе же бюрократия в силу своего «разночинного» происхождения отстаивала интересы других слоев.

Следует учитывать и еще одну важную характеристику самодержавия – повышенный (в сравнении с абсолютизмом) уровень сакральных представлений о власти монарха, сохраняемый на уровне массового сознания на протяжении всего периода его существования. Согласно этим представлениям, власть монарху дарована Богом, перед которым он и несет ответственность, что устраняет возможность влияния представительных органов на функционирование государственных структур (ср. мнение Боссюэ, приведенное выше, где божественное происхождение королевской власти не избавляет ее от подчинения законам: разница в том, что в России единственным источником законов был сам государь).

В самом общем виде картина обстоятельств формирования специфических политических режимов в странах Запада и в России в режиме большого времени выглядит так. В Европе (прежде всего речь идет о Франции) со времени классического Средневековья существовало развитое городское общество, чьи позиции были укреплены союзом королей с городами в борьбе против феодалов. Соответственно, в связи с успехами централизации, поставившей аристократию под контроль королев-

ской власти, а также с поступательным развитием буржуазных тенденций в раннее Новое время наступает некоторое равновесие второго и третьего сословий, создающее условия для формирования абсолютизма. Однако последний все же основной своей опорой считал дворянство, что хорошо просматривается в политическом поведении Людовика XIV, поэтому королевская власть в дальнейшем пытается сдерживать развитие буржуазии, охраняя интересы второго сословия [13, с. 38, 40–41]. Однако процессы развития буржуазного уклада в Западной Европе носили органический характер, так что препоны со стороны правительства могли лишь увеличить социальное напряжение. Соответственно, вполне закономерным итогом становится буржуазная революция (точнее, серия революций)¹.

На Руси в свое время также существовала развитая городская культура, включавшая и традицию самоуправления, однако она была в значительной мере уничтожена во время монголо-татарского нашествия². Более того, в ходе централизации российские монархи (Иван III, Василий III, Иван Грозный) добывали остатки городской самостоятельности. Подавить аристократию московским правителям удалось, опираясь на низы дворянства (в особенности показательна в этом смысле опричнина³). В раннее Новое время поддержка рядового дворянства играла большую роль и в укреплении королевской власти в Европе. Но тут-то мы и видим паритет второго и третьего сословий. А в России с принижением аристократии, с низведением ее на уровень служилого сословия наравне с рядовым дворянством и в угоду последнему, с неразвитостью городов самодержавие и становится заложником единственного сословия, до конца монархического периода мешавшего развитию капиталистического уклада, так как оно обладало монополией на политический и экономический капитал (в терминологии П. Бурдьё)⁴.

¹ В Англии революция свершилась гораздо раньше, и именно потому что буржуазные силы были активнее (более того, английское дворянство гораздо охотнее, чем французское, приобщалось к новым отношениям), а королевская власть более зависима от общественных сил и прежде всего от парламента.

² Нельзя сбрасывать со счетов и отсутствие в России античного наследия, безусловно облегчавшего Западной Европе строительство городского социума.

³ Как отмечает А. П. Павлов, в целом опричный двор был несколько более худородным по составу, чем земский (хотя и здесь было немало представителей знатных княжеско-боярских дворов – Одоевские, Трубецкие, Шуйские), а к концу опричнины выходцы их худородных провинциальных дворянских родов в составе руководства явно доминировали. При этом главным критерием было не происхождение, а личные качества. Царь охотно брал в опричнину людей с «запятнанной репутацией», которые должны были служить особенно рьяно и преданно (как, например, целая группа дворян, служивших ранее князьям Старицким) [11, с. 218].

⁴ Не стоит преувеличивать и значение Земских соборов, наличие которых, как правило, расценивается отечественными исследователями как признак существования в России XVI–XVII вв. сословно-представительной монархии. Принципиальное отличие Земских соборов от европейских представительных учреждений состояла в том, что первые, как правило, собирались по инициативе правительства, нерегулярно, в тех случаях, когда возникала необходимость утвердить те или иные решения, тогда как в зрелые периоды существования вторых без них королевская власть попросту не имела права принимать те или иные решения. Нарушение парламентских прав, как правило,

Неслучайно европейцами царское самодержавие воспринималось зачастую как тирания, сопоставимая с восточными режимами. Например, И. Корб пишет: «Государь имеет полную власть над их (русских. – О. М.) имением, личностью и жизнью. Сами турки не изъявляют с более отвратительной покорностью принижения своего перед скипетром своих Оттоманов» [14, с. 220].

Соответственно, возникает вопрос о возможности применения к России определения восточной деспотии. Это спорное понятие, подвергнувшееся уничтожающей критике в 70-е гг. XX в., все же не было забыто окончательно. Авторы коллективной работы «Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти» определяют восточный деспотизм как «ничем не ограниченную бесконтрольную власть, не стесненную никакими формальными правилами или законами и опирающуюся непосредственно на силу. Необходимым условием существования такой власти является господство государственной и общественной собственности, прежде всего на землю, и зависимое положение индивида, при котором отношение человека к человеку определяется не им самим, а стоящей над ним властью» [15, с. 10]. Основные черты этой общественной системы таковы: «перманентный и универсальный террор», «практически поголовное рабство населения», распространение шпионажа и доноительства как средства достижения «жадной мечты о сытой и беззаботной жизни», отсутствие благородного (в смысле происхождения) сословия, полное исключение личной инициативы и ответственности, отсутствие стремления к свободе как таковой. В таком обществе поведение подданных диктуется переплетением любви и страха по отношению к своим правителям, в духовной жизни господствует «идейная минимизация», не допускающая ни рассуждений, ни возражений, ни собственных мнений [15, с. 10]¹.

Конечно, во многом прав известный востоковед Б. С. Ерасов, который предостерегал от абсолюти-

зации подобных характеристик². Однако, если говорить об «идеально-типических» понятиях и господствующих тенденциях, материал исторических источников дает возможность подтвердить в целом верность основных определений восточной деспотии в его приложении к России раннего Нового времени.

Обратимся к свидетельствам современников. Чешский иезуит Иржи Давид, живший в России с 1685 по 1689 г., пишет: «...Все чиновники, высшие и низшие, и вся знать относительно царей называют себя холопами, то есть царскими рабами, и если они подписывают имя под каким-нибудь прошением, то ставят его в уменьшительной форме: «холоп Ивашко Бутурлин» [17, с. 140]. О том же говорит И. Корб: «Весь московский народ более подвержен рабству, чем пользуется свободой; все москвитяне, какого бы они ни были звания, без малейшего уважения к их личности находятся под гнетом жесточайшего рабства. Те из них, которые занимают почетное место в Тайном совете и, имея величавое название вельможи, справедливо присваивают себе первое в государстве достоинство, самой знатностью своей являют еще в более ярком свете свое рабское состояние: они носят золотые цепи, тем тягостнейшие, чем большей пышностью ослепляют глаза; самый даже блеск этих холопов упрекает их в низости судьбы. Если бы кто в прошении или в письме к царю подписал свое имя в положительной степени, тот непременно получил бы возмездие за нарушение закона касательно оскорбления [царского] величества. Необходимо присваивать себе уменьшительные имена, например: Яков должен подписываться *Якуткой*, а не Яковом, ибо москвитяне полагают, что было бы неуважением со стороны просителей к высочайшему сану особы, облеченной царским достоинством, не засвидетельствовать прилично государю своего почтения, именуясь покорно уменьшительным именем.... Нужно себя называть *холопом* или *подлейшим*, *презреннейшим рабом великого князя*³ и все свое

вызывало конфликт (достаточно упомянуть о начале Английской буржуазной революции) либо по крайней мере осознавалось современниками как ситуация ненормальная. В России перерывы в созывах Земских соборов никаких нареканий не вызывали, да и не могли вызывать, так как никаких законодательных норм, связанных с ними, попросту не существовало.

¹ Сейчас, правда, чаще принято употреблять термин «деспотия», так как многие указанные черты были свойственны не только восточным обществам, но, шире, тем, которые в миросистемной теории принято относить к «мироимпериям».

² «Так характеризуются общества, достижения которых в администрировании, устройстве социальной жизни, технологиях, учености, философии и науках долгое время превосходили европейский уровень и стали предметом восхищения и внимательного изучения» [16, с. 261]. Кроме того, помимо статусных систем здесь существовали «устойчивые принципы достижительных ориентации. Персонажи, добившиеся определенных достижений в своей деятельности, получали высокие звания, должности, приобретали авторитет и почет, а после смерти увековечивались в памятниках» [16, с. 261].

³ Подтверждение легко обнаружить в переписке петровского времени. Например, Т. Н. Стрешнев, воспитатель Петра, боярин, подписывает письмо к царю от 7 августа 1695 г. так: «Убогий раб твой Тишка Стрешнев писание сие доношу и челом бую» [18, с. 514]. Еще одна из виднейших фигур первых лет царствования Петра Б. А. Голицын в письме от 17 августа 1703 г. подписывается: «Холоп твой Бориско Голицын» [19, с. 534].

имущество, движимое и недвижимое, считать не своим, но государевым. Царь московский превосходный выразитель такого понятия: он своим отечеством и его гражданами так пользуется, что его самодержавие, никакими пределами, никакими законами не ограниченное, ясно сказывается, например, в полном распоряжении имениями частных лиц, как будто бы природа все это для него одного только и создала» [14, с. 219].

Конечно, собственное мнение у россиян и в те времена имелось, однако главное – оно легко могло игнорироваться (и чаще всего игнорировалось) властью¹. Таким образом, в случае России раннего Нового времени мы действительно наблюдаем основные типологические черты восточной деспотии. И нас не должно смущать положение, согласно которому речь идет о «ничем не ограниченной бесконтрольной власти, не стесненной никакими формальными правилами или законами и опирающейся непосредственно на силу» в свете утверждения о зависимости самодержавия от дворянства. Дело в том, что отсутствие главенства закона над властью в деспотическом обществе не только освобождает монарха от «стеснений» в отношении своих подданных, но и зачастую развязывает руки самим подданным в отношении правителя (конечно, в особенных случаях). На примере Османской империи легко заметить, насколько легко и часто происходила насильственная смена султанов в результате заговоров². То же самое мы видим и в послепетровской России XVIII в. Как отмечает Е. В. Анисимов, суть самодержавия составляет возможность, в нарушение изданных самой же самодержавной властью законов, вмешиваться в любое дело, что особенно ярко выражалось в таком явлении, как опала – подчас неожиданное, внесудебное отстранение от дел, двора, отправление в ссылку или на казнь, в основе чего лежал часто каприз, подозрение или личная месть неугоднему подданному. Однако именно эти же особенности

приводили к беззащитности самодержавия перед лицом фаворитизма и переворотов. Особенно четко это видно в случае Елизаветы и Екатерины II, которые стали прямыми узурпаторами, пришедшими к власти вопреки юридическим нормам, присяге и традиционным «династическим счетам». И все потому, что без законодательной базы самодержавие становилось беззащитным перед незаконными актами и подверженным случайностям [21, с. 205–207].

При этом все же можно назвать одну черту, позволяющую выделить самодержавие в особый тип политико-социального режима (по крайней мере в имперский период) при всем его сходстве с восточной деспотией. Здесь в течение XVIII в., во многом вследствие петровских преобразований, происходит сплочение дворянства, что делало его силой, способной отстаивать, и вполне успешно, свои корпоративные права перед лицом монархии. Как уже отмечалось, узловой проблемой самодержавия было отсутствие других корпораций, вносивших бы альтернативное начало в общественные отношения. Однако в большинстве восточных стран в период Нового времени не существовало и такой одной элитарной корпорации³. Связано это отличие было с более ранним приобщением России к началам западной цивилизации. На Востоке подобные тенденции проявятся не ранее второй половины XIX в. уже в иной исторической обстановке, когда политическая активность феодальных слоев будет развиваться параллельно с нарастанием роли буржуазии⁴.

Таким образом, сложность понимания феномена самодержавия состоит именно в том, что на протяжении Нового времени он в значительной мере эволюционировал, при этом, конечно, сохраняя ряд существенных характеристик⁵. На ранней стадии, с середины XVI до середины XVIII в., он в значительной мере соответствовал основным параметрам деспотии, в дальнейшем же вступает во все более тесное взаимодействие с дворянством, кото-

¹ Об этом, например, пишет, Б. Н. Миронов, занимающий в целом вполне отчетливую «охранительную» позицию и постоянно подчеркивающий выдающуюся роль самодержавия в истории России [20, с. 246].

² В XVI–XVII вв. шестеро из пятнадцати османских султанов были низложены по обвинению в нарушении шариата, причем двое казнены [15, с. 17].

³ Следует сделать оговорку, что в наиболее полном виде характеристика восточной деспотии подходит к Ближнему и Среднему Востоку (как в домусульманский, так и в мусульманский период), конфуцианская традиция во многом отличается от нее (в Китае существовала сплоченная корпорация чиновников, хотя и менее стабильная и защищенная, нежели дворянство в Европе, к тому же не военная и вполне конформная, а потому не опасная; Япония же с ее аристократическим самурайским этосом вообще особый для Востока случай).

⁴ Конечно, в разных странах эти явления будут выглядеть по-разному в зависимости от специфики социума и, соответственно, протекания процессов модернизации.

⁵ На это, кстати, обращал внимание еще В. И. Ленин, отмечавший, что «русское самодержавие XVII века с боярской думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами “просвещенного абсолютизма” и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное “сверху” освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии» [22, с. 346]. Правда, здесь выбраны несколько иные дефиниции, к тому же подчеркиваются скорее изменения, чем преемственность.

рое, в отличие от европейского, не теряет, но, напротив, укрепляет свои позиции¹. В дальнейшем, под воздействием европеизации, при Николае I в России (гораздо позже, чем в западных странах) было провозглашено верховенство законов в государстве, что, казалось бы, приближало самодержавие к абсолютизму², однако важнее то, что вплоть до 1905 г. реальных механизмов общественного контроля за действиями монархии (тех самых «посредствующих корпораций») так и не появилось.

Абсолютизм же (если отвлечься от буквального значения этого термина) являлся формой политического режима, пришедшей на смену принци-

ально иной средневековой и, в свою очередь, сменной качественно новой – конституционной монархией либо республикой. При этом стоит помнить о том, что большинство стран Европы не поддаются под определение абсолютизма в чистом виде, кроме собственно Франции, так что, возможно, следовало бы отказаться от столь неадекватного и спорного понятия³ и говорить о монархии раннего Нового времени, которая уже не была децентрализованной средневековой и еще не стала парламентской и характеризовалась максимально возможным (в каждом конкретном государстве) усилением позиции государя.

Список литературы

1. История Европы: в 8 т. / отв. ред. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург. М.: Наука, 1993. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). 656 с.
2. История Европы: в 8 т. / отв. ред. М. А. Барг. М.: Наука, 1994. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). 509 с.
3. Чистозвонов А. Н. Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 46–62.
4. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова; отв. ред. С. Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
5. Блюш Ф. Людовик XIV / пер. с фр. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова; науч. ред. В. Н. Малов. М.: Ладомир, 1998. 815 с.
6. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
7. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. / пер. с нем. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. («Книга света»). 2 т.
8. Захаров В. Ю. Абсолютизм и самодержавие: соотношение понятий // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6. История. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov/>
9. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994. 320 с.
10. Андерсон И. История Швеции / пер. с швед. Н. А. Каринцева; под ред. и с предисл. Я. Я. Зутиса. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. 408 с.
11. Правящая элита русского государства IX – начала XVIII в.: очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.
12. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М.: Наука, 1964. 520 с.
13. Рогинская А. Е. Очерки по истории Франции (XVII–XIX вв.). М.: Изд-во ИМО, 1958. 368 с.
14. Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. (История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX вв.). С. 21–258.
15. Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти / отв. ред. Н. А. Иванов. М.: Наука; Восточная литература, 1993. 392 с.
16. Ерасов Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.
17. Давид И. Современное состояние Великой России, или Московии // ВИ. 1968. № 1. С. 126–132.
18. Письма и бумаги Петра Великого / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Государственная типография, 1887. Т. 1 (1688–1701). 973 с.
19. Письма и бумаги Петра Великого / под ред. А. Ф. Бычкова. СПб.: Государственная типография, 1889. Т. 2 (1702–1703). 804 с.
20. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 2.
21. Анисимов Е. В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор. № 7 (2005, № 1). Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технология власти. Источники, исследования, историография / ред. номера И. В. Лукоянов, С. Е. Эрлих. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 200–207.

¹ А. Янов пишет о «странном непостоянстве» самодержавия, выражавшемся, по его мнению, в волнообразных его колебаниях то в сторону деспотизма, то в сторону абсолютизма [23, с. 286]. Такая точка зрения игнорирует обозначенные выше поступательные тенденции в трансформации характера российского политического режима.

² Такой точки зрения, в частности, придерживался А. Я. Аврех [24].

³ Об этом же пишет Н. Хеншелл: «"абсолютистский" сценарий поздно исправлять: никакие вырезки или переписывания не могут его спасти. <...> Пришло время закрыть занавес над увлечениями предыдущего столетия. Сохранять название "абсолютизм", изменяя большую часть его содержания, – полумера, ведущая к непоправимым заблуждениям. Кажется, нет нужды далее продлевать ему жизнь» [4, с. 240].

22. Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 17. С. 339–353.
23. Янов А. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.
24. Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.

Мухин О. Н., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: himan1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 24.12.2012.

O. N. Mukhin

ABSOLUTISM VS AUTOCRACY: RETURNING TO THE DEFINITION OF THE CONCEPTS

In the article the problem of the typology of political regimes in modern times is considered. With the comparative historical approach we single out the specifics of the Russian autocracy as opposed to absolutism, and from oriental despotism.

Key words: *absolutism, autocracy, despotism, political regime, modern times.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: himan1@rambler.ru